

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

СТУДИЯ ГРАФИКИ

В тяжелый год войны, 1942-й, в редакции фронтовой газеты встретились два человека. Один поэт, уже признанный всеми как выдающийся, другой художник, широкую известность которому предстояло еще завоевать, — Александр Твардовский и Орест Верейский.

Твардовский тогда только начал писать «Василия Теркина». Часть за частью, эпизод за эпизодом рождался тот, ного мы сейчас по праву можем назвать самым прославленным солдатом на только прошедшей мировой войны, но, пожалуй, всей истории человечества. Как ни странно, но история имела удивительную способность сохранять для потомства даже имена посредственных полководцев и забывать солдат. Рождался национальный герой, без которого, оглядываясь назад, мы сейчас уже не можем представить определенный кусок нашей истории. Под первом Александром Твардовским рождалась поэма о солдате, а Орест Верейский принял ее иллюстрировать. Художник ходил теми же фронтовыми дорогами, что и поэт, дышал тем же воздухом, встречал тех же солдат — одно видели, одной жизнью жили.

Иллюстрация, иллюстративность — эти слова стали чуть ли не ругательными в творческом обиходе, ими часто обозначают рабское отражение чужих замыслов, полную зависимость художника от воли автора. Настоящий художник-иллюстратор никогда не идет за автором след в след, а всегда торчит свою трапуку к образу, обогащая его, конкретизируя. Стоит вспомнить Дон Кихота, как мы сразу же видим нескладно-долговязого, крайне тощего человека с горбатым носом и козлиной бородой. И как бы мы ни насиживали себя, иным представить его нам уже не удастся. Трудно сейчас поверить, что в течение 350 лет читатели Сервантеса представляли себе Рыцаря Печального Образа другим. Не могу сказать, каким именно, но другим. Таким же он стал лишь в прошлом веке, после

СОАВТОР КНИГИ

выхода в свет иллюстраций Доре. Здесь иллюстратор наряду с великим писателем — творец бессмертного образа.

Не знаю, как вы, читатель, но, мысленно обращаясь и Василию Теркину, я все чаще и чаще ловлю себя на том, что думаю о нем одновременно и «зрительно», именно так, как показывает его мече О. Верейский. Стихи и рисунки сливаются воедино. Такое читательское ощущение, думается, — наивысшая похвала для художника-иллюстратора.

Они остались друзьями и после войны, тесно дружат вот уже без малого 30 лет. Много раз за это время переиздавалась «Василий Теркин», с каждым новым изданием рос, развивался, становился отчетливей и сложней Вася Теркин — «графический». Одновременно художник сопровождает поэта и в других произведениях.

Коси, коса, пока роса.

Роса долой — и мы домой.

И художник Верейский разбрасывает пучки вянущей травы по страницам книги.

Творческая дружба с Александром Твардовским, так сказать, — лишь «одна сюжетная линия» из общей повести о трудах Ореста Верейского. Его иллюстрации к «Тихому Дону», «Поднятой целине», «Разгрому» (каждая серия — своеобразное полотно) по праву относятся к лучшим достижениям этого жанра. Уже не говорю о его широко известных красочных открытиях Америки, Исландии, Ближнего Востока, Китая и прочих стран.

Общепризнано — это глубокий, большой лирической силы художник. Входя в книгу как иллюстратор, О. Верейский никогда просто не укращает ее, не только делает ее приятней, всегда обогащает читателя духовно. Наравне с автором, а иногда, увы, и превосходя его.

Бот коротко о вашем стаюом знакоомом — Оресте Георгиевиче Верейском.

В. ТЕНДРЯКОВ

Рисунок к повести С. Антоно-ва «АЛЕНКА».

Одна из последних работ художника. «ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ» Э. Хемингуэя. Издательство «Художественная литература».

Иллюстрация к книге М. Поглажевой «ЖИЗНЬ ЛЕНИНА», выпущенной в издательстве «Детская литература» в 1970 году к юби-лею Ильича

А. Твардовский. «ВАСИЛИЙ ТЕРКИН». 1942 год.

А. Твардовский. «ВАСИЛИЙ ТЕРКИН». 1970 год.

«РАЗГРОМ» А. Фадеева.